DOI: 10.31249/rsm/2024.01.05

Цянь Цяньжон

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ (2011–2021)

Аннотация. *Актуальность темы исследования заключается в том, что на сегодняшний день отношения Китая и России включают в себя обширную систему связей в различных сферах: торгово-экономической, инвестиционной, культурной, функционирования международных организаций и др. Автор поставил перед собой цель изучить фундаментальные особенности миграционных процессов из Китая на российский Дальний Восток с учетом имеющейся культурной, социальной и экономической специфики. Исследование строится на применение таких общенаучных методов как анализ, синтез, обобщение с применением системного исследовательского подхода, а также контент-анализа зарубежных (в первую очередь китайских) и российских источников (научные публикации, СМИ, правовые документы). В статье собраны и анализируются официальные статистические данные о трансграничных мигрантах России и Китая с 2011 по 2021 г. В результате исследования удалось выявить характерные особенности трансграничной миграции между двумя странами: несмотря на значительную численность населения обеих стран (хотя и с большим разрывом в показателях) число трансграничных иммигрантов между Китаем и Россией невелико. С 2012 г. число двусторонних иммигрантов между Китаем и Россией растет и демонстрирует высокую стабильную тенденцию роста. В 2015, 2016, 2018 и 2020 гг. число иммигрантов из Китая в Россию значительно превысило число мигрантов из России в Китай, при этом россияне все чаще рассматривают Китай как приоритетное направление для международной иммиграции. Анализ причин и объемов трансграничных потоков между Китаем и Россией, факторов сложившейся к настоящему моменту международной ситуации, иммиграционной политики России, политического и экономического положения Китая и России, а также культурных традиций убедительно доказывают, что «теория китайской иммиграционной угрозы», продвигаемая некоторыми российскими ультранационалистами, не имеет под собой реальных оснований.*

Ключевые слова: *Китайская иммиграция; транснациональная миграция; трансграничная иммиграционная деятельность; иностранная иммиграция; Российская Федерация; Китай.*

**Цянь Цяньжон – аспирант, факультет государственного управления,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: qianqianrong777@gmail.com**

Qian Qianrong. Cross-border migration between China and Russia (2011–2021)

Abstract. *The relevance of the research subject lies in the fact that today's ties between China and Russia include an extensive system of relations in various spheres: trade and economic, investment, cultural, international organizations, etc. The author sets a goal of studying the fundamental features of migration processes from China to the Russian Far East, taking into account the available cultural, social and economic specifics. The research is based on the application of such general scientific methods as analysis, synthesis, generalization with the application of a systematic research approach, as well as content analysis of foreign (primarily Chinese) and Russian sources (academic publications, media, legal documents). The article collects and analyzes official statistical data on Russian and Chinese trans-border migrants from 2011 to 2021. As a result of the research the following characteristic features of cross-border migration between the two countries were revealed: despite the significant population size of both countries (although with a significant difference in indicators), the number of cross-border immigrants between China and Russia is small; since 2012, the number of bilateral immigrants between China and Russia has been growing and demonstrates a high stable growth trend. Meanwhile, in 2015, 2016, 2018, and 2020, the number of immigrants from China to Russia significantly exceeded the number of migrants from Russia to China, with Russians increasingly viewing China as a priority destination for international immigration. An analysis of the causes and volumes of cross-border flows between China and Russia, the factors of the current international environment, Russia's immigration policy, the political and economic situation of China and Russia, and cultural traditions convincingly prove that the «Chinese immigration threat theory» promoted by some Russian ultra-nationalists has no real basis in reality.*

Keywords: *Chinese immigration; transnational migration; cross-border immigration activities; foreign immigration; Russian Federation; China.*

**Qian Qianrong – postgraduate student, School of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: qianqianrong777@gmail.com**

Введение

Проблемы китайской миграции в Россию, тенденции ее развития и ее последствия для региона и России обсуждаются на страницах международных научных журналов, являются центральной темой международных исследовательских центров. Действительно, вопрос очень актуальный [Данькова, Ахметшина 2022, с. 71–74]. С конца XX в. в Российской Федерации получило

широкое распространение представление о некой «теории китайской иммиграционной угрозы», «китайской угрозе», «желтой опасности» [Веремейчик 2014]. В связи с этим некоторые ультранационалисты намеренно преувеличивали количество китайских иммигрантов в России, принижали вклад в российскую экономику китайских мигрантов, а также в целом дискредитировали их в России. Кроме ложных заявлений были распущены различные слухи, накладывающие негативный отпечаток на восприятие в России как китайских мигрантов, так и Китая в целом [Нигматуллина 2014]. Отметим, что такое происходило не только в отношении китайских мигрантов, но в целом касалось иностранных граждан, пребывающих в России. В российский государственный праздник «День народного единства» (4 ноября) в 2013 г. некоторые националисты провели марши и собрания по всей России, скандируя такие лозунги, как «Россия для русских». Это отражало настроения части российского общества, подверженной настроениям этноцентризма, т.е. позиции против представителей любых иных национальностей, кроме русских. Несмотря на то, что сегодня отношение к китайским мигрантам видится более спокойным (особенно на фоне преобладающих в иммиграционном потоке мигрантов из стран Центральной Азии, которые «перетягивают» основные дискуссии в политическом и общественном дискурсе на себя), тема «китайской угрозы» в российско-китайских отношениях периодически снова оказывается в центре внимания.

Трансграничное сотрудничество является важным фактором регионального развития многих стран мира. В настоящее время китайско-российские отношения основаны на тесном экономико-политическом сотрудничестве [Понкратова 2019]. Разумеется, Россия является правовым государством и поэтому обеспечивает защиту законных прав и интересов иммигрантов в различных областях, стремясь эффективно использовать международные иммиграционные ресурсы и способствовать социально-экономическому развитию страны. Для стратегического партнерства также важна и общественная оценка этих отношений. Если взаимодействие Китая и России будет в силу каких-либо обстоятельств некорректно оценено населением, станет вызывать негативные эмоции (в том числе по отношению к мигрантам), то это отрицательно повлияет на долгосрочное развитие китайско-российских отношений.

Численность и динамика трансграничной миграции. По сравнению с иммигрантами из других стран в России количество китайцев в общем миграционном потоке не имеет численного преимущества. При этом мы видим, что динамика миграции из Китая в Россию положительная, число китайских мигрантов растет: если в 2015 г. в Россию прибыли 1 012 678 мигрантов из Китая, то в 2019 г. эта цифра возросла до 1 807 001 [Дун Чжожань 2019]. Несмотря на то, что численные показатели китайской иммиграции не самые большие по сравнению, например, с показателями выходцев из стран Цен-

тральной Азии, внимание к китайской общине в России остается высоким. Основной причиной является низкая осведомленность друг о друге среди жителей двух стран. В связи с этим важным становится изучение процессов развития китайского населения (китайской общины) в России и научная оценка значения китайской иммиграции для российского государства и общества [焦玓璠 (Цзяо Юйфань) 2017].

Если говорить о стремящихся связать свою жизнь прочно и навсегда с Россией китайцах, претендующих на гражданство, то статистика показывает значительное падение их числа. Согласно переписи населения 2020 г., российскими гражданами являлись 10,2 тыс. человек с китайскими корнями. По сравнению с переписью 2010 г. число российских китайцев сократилось на 18,1 тыс. человек (с 28,3 тыс.). т.е. за последние десятилетие их число значительно уменьшилось. Исходя из данных МВД, гражданство РФ с 2017 до середины 2019 г. получили всего 196 граждан КНР.

Рассмотрим более подробно динамику изменений миграции из Китая в Россию. В начале 1990-х годов с распадом Советского Союза независимая Россия немедленно провела политические реформы и экономическую либерализацию, активизировался обмен кадрами между Китаем и Россией. Согласно статистике, с 1988 по 1993 г. среднегодовое число людей, въезжающих через китайско-российскую границу и выезжающих через нее, выросло с 6233 до 373 930 человек, увеличившись таким образом почти в 60 раз. В начале XXI в. трансграничная иммиграция в Россию находилась в относительно стабильном состоянии, и число иммигрантов, въезжающих в Россию, было относительно небольшим. Однако с 2011 г. иммиграция в Россию снова стала чрезвычайно активной, и число транснациональных иммигрантов, въезжающих на российскую территорию, резко возросло.

За десять лет (с 2011 по 2021 г.) Россия приняла в общей сложности 6 126 763 трансграничных мигрантов со всего мира. Среди них число мигрантов из Китая составило 95 753 человек. В относительных показателях это значит, что, за исключением 2012 и 2019 гг., доля китайских мигрантов составила 2,05% и 2,18% соответственно, в другие годы их было менее 2%. В оставшиеся восемь лет на один год (2021) приходилось не более 1%, а на остальные семь лет (2011, 2013–2018, 2020) приходилось от 1% до 2% (см. табл. 1). При этом численность людей, иммигрировавших из России в Китай, составила 2,34% от населения, иммигрировавшего из России (см. рис. 1).

Рисунок 1 показывает, что доля китайских мигрантов незначительна, а ежегодная тенденция изменения численности китайских мигрантов в Россию в основном совпадает с ежегодной тенденцией изменения численности всего количества принимаемых иностранных мигрантов в России.

Таблица 1

Китайская миграция в общем иммиграционном потоке в Россию (2011–2021) (человек). [Число прибывших]

Год	*Общее число иммигрантов в Россию*	*Общее число иммигрантов из Китая в Россию*	*Пропорция*
2011	356 535	7063	1,98
2012	417 681	8547	2,05
2013	482 241	8149	1,69
2014	578 511	10 561	1,83
2015	598 617	9043	1,51
2016	575 158	8027	1,40
2017	589 033	8237	1,40
2018	565 685	7067	1,25
2019	701 234	15 306	2,18
2020	594 146	7270	1,22
2021	667 922	6465	0,97



Рис. 1. Сравнение количества китайских мигрантов в России и общего числа мигрантов в Россию (2011–2021 гг., человек).

Составлен на основе таблицы 1.

При сборе и анализе данных о трансграничной миграции между Китаем и Россией еще одна информация, на которую стоит обратить внимание и изучить, – это процентная доля российских мигрантов в Китае в процентах от российских мигрантов за рубежом. За десять лет, с 2011 по 2021 г., общее число россиян, иммигрировавших за рубеж, составило 3 280 634 человека, из которых 76 679 иммигрировали в Китай, что составило 2,34% от общего объема иммиграции из России за рубеж.

Можно заметить, что в 2021 г. численность мигрантов, направляющихся в Китай, значительно сократилась, и это самое значительное изменение за весь рассматриваемый период. Для семи лет из рассматриваемого периода эта цифра составляла от 100 000 до 500 000 человек. Эти статистические данные наглядно показывают, что с 2011 г. доля людей, которые выбирают Китай в качестве направления для иммиграции, постоянно увеличивается. В 2020 г. численность мигрировавших в Китай достигла приблизительно 12 000 человек. Впоследствии (в 2021 г.) из-за пандемии новой коронавирусной инфекции различные страны, в том числе и Китай, ужесточили свою миграционную политику, и только 2217 человек въехали в КНР (см. табл. 2 и рис. 2).

Таблица 2

Статистическая таблица годовой доли числа российских мигрантов в Китае и общего числа мигрантов за рубежом (2011–2021 гг., человек). [Число выбывших]

Год	*Число уехавших из России всего*	*Число уехавших в Китай*
2011	36 774	507
2012	122 751	4358
2013	186 382	7527
2014	308 475	8606
2015	353 233	9821
2016	313 210	8837
2017	377 155	7600
2018	440 831	7544
2019	416 131	8627
2020	487 672	11 035
2021	238 020	2217



Рис. 2. Сравнительная диаграмма числа россиян, иммигрировавших в Китай, и общего числа россиян, иммигрировавших за границу (2012, 2015, 2019, 2021 гг.).

Составлен на основе таблицы 2.

Сводные данные за рассматриваемый период представлены в таблице 3.

Таблица 3

Ежегодные статистические данные о транснациональной иммиграции между Российской Федерацией и Китаем (2011–2021 гг., человек)

Год	*Из Китая в Россию*	*Из России в Китай*	*Разница*
2011	7063	507	6556
2012	8547	4358	4189
2013	8149	7527	622
2014	10 561	8606	1955
2015	9043	9821	-778
2016	8027	8837	-810
2017	8237	7600	637
2018	7067	7544	-477
2019	15 306	8627	6679
2020	7270	11 035	-3765
2021	6465	2217	4248
ИТОГО	95 735	76 679	19 056

Составлено на основе таблиц 1 и 2.

Данные о транснациональной иммиграции между Китаем и Россией, приведенные в таблице 3, показывают следующие отличительные характеристики.

Прежде всего обращает на себя внимание разница в объемах миграционного потока между двумя странами. С 2011 по 2021 г. число китайских мигрантов в Россию составило 95 735, число российских мигрантов в Китай составило 76 679. Разница в количестве трансграничных мигрантов между Китаем и Россией составляет всего 19 056 человек. Отметим, что 76 679 человек – не слишком большая величина для такой страны, как Китай, с общим населением 1,4 млрд человек. Для России же, население которой составляет всего одну десятую населения Китая, эта цифра имеет уже другой «вес». Такая же разница имеется в значении объемов мигрантов из Китая в Россию: 95,8 тыс. человек для КНР не является существенным количеством, а для России это население, например, одного малого города.

Во-вторых, трансграничная иммиграционная деятельность между Китаем и Россией весьма активна (см. рис. 3).

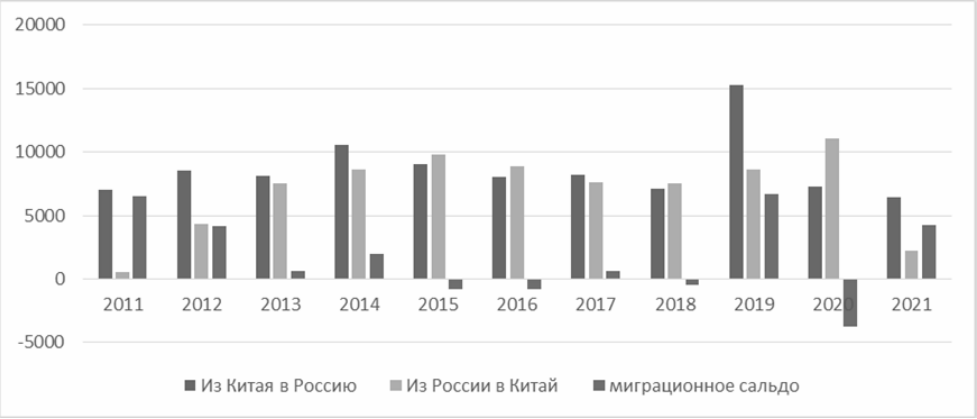


Рис. 3. Статистическая диаграмма данных о транснациональной иммиграции между Российской Федерацией и Китаем (2011–2021).

Составлен на основе таблицы 3.

Диаграмма наглядно показывает:

a. Волны миграции, продемонстрированные на рис. 3, в большинстве случаев «параллельны»: когда происходит рост иммиграции в Россию, тогда и рост иммиграции в Китай. Также, когда спад со стороны КНР, тогда как правило спад со стороны РФ.

b. Исходя из тенденций последних лет, у нас есть основания прогнозировать, что в будущем Китай с его политической стабильностью, дальнейшим

укреплением экономической мощи и улучшением инвестиционной и предпринимательской среды привлечет больше мигрантов-россиян.

Факторы формирования миграции между Китаем и Россией. Формирование тенденций транснациональной миграции между Китаем и Россией имеет глубокие политические, экономические, культурные и другие причины.

1. Политические причины.

Распад Советского Союза стал самой серьезной геополитической катастрофой в мире в XX в. В 1990-е годы, в начале обретения независимости, Россия вступила в период социальных потрясений и изменчивости с резким экономическим спадом и социальным хаосом, которые оказали огромное влияние на жизнь народов, населяющих Россию. В российском политическом поле произошли глубокие изменения. Политическая система советского периода была полностью сломана, внутренние социально-экономические условия внезапно изменились, и привычный социальный порядок был разрушен. В это время граждане России стремились к жизни за границей и в больших количествах иммигрировали, образовав волну эмиграции, включая иммиграцию в Китай. К началу XXI в. политическая ситуация в России постепенно стабилизировалась, а трансграничные миграционные процессы были относительно спокойными. Однако с 2011 г. трансграничная миграция между Китаем и Россией снова активизировалась. Это было связано с изменениями в международной ситуации: Россия подверглась санкциям со стороны Запада, уровень жизни внутри страны снизился, и трансграничная иммиграция в Китай снова стала привлекательной для россиян. После вхождения Крыма в состав России в 2014 г. Соединенные Штаты Америки и Европейский союз усилили санкции против России, что нанесло определенный ущерб российской экономике, еще больше поспособствовав усилению иммиграции в Китай.

В 2019 г., в 70-ю годовщину установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, председатель Си Цзиньпин вновь посетил Россию. В этот приезд было официально объявлено о новом витке развития стратегического партнерства и подписано совместное заявление о развитии отношений партнерства и стратегического в новую эпоху [Совместное соглашение 2019].

Отметим, что в связи с недружественными действиями администрации США в отношении Китая и России, эскалацией санкций и довольно сдержанными их ответными действиями, постоянно возникают спекуляции о возможном союзе между двумя оппонентами Америки на мировой арене. В конце 2019 г. и в октябре 2020 г. президент России В.В. Путин провел встречу с журналистами и дважды заявил, что не исключает возможности формирования Россией и Китаем военно-политического альянса в какой-то момент в будущем. Лидеры двух стран неоднократно достигали консенсуса о совместном противодействии гегемонистским действиям властей США [Лузянин 2020]. Отметим, что подобные контакты в некоторой степени влияют на

трансграничную миграцию, вселяя в граждан обеих стран уверенность в намерениях стратегического партнерства двух государств, возможностях реализации совместных проектов развития, потенциале сотрудничества не только в политической, но и в экономической сферах.

2. Экономические причины.

В начале независимости РФ экономическая система довольно резко сменилась с плановой экономики на рыночную. Ряд убыточных компаний в стране закрылись и ликвидировались, число безработных значительно увеличилось, объем производства и предложения были недостаточными, а уровень и качество жизни людей резко снизились. Многие люди в сложившейся нестабильной или даже стабильно «угнетающей» экономической ситуации иммигрировали за границу в поисках лучшей жизни [冯春萍 (Фэн Чуньпин) 2005]. Отметим, что сложная экономическая ситуация и ухудшение условий жизни являются наиболее распространенной причиной миграции населения во всем мире.

Потоки мигрантов из КНР обеспечивают большую сбалансированность на региональных рынках труда и содействуют решению ряда острых проблем на потребительском рынке России. Китайская миграция может стать важным элементом решения долгосрочных проблем социально-экономического развития Российской Федерации, особенно в условиях предстоящего резкого уменьшения трудового потенциала страны. Для населения позитивные экономические последствия миграции и занятости граждан КНР в России связаны с насыщением рынка дешевыми и нужными товарами и услугами [Попхадзе, Гермашева 2022].

До 2014 г. Китай представил новую стратегическую программу по возрождению Великого шёлкового пути «Один пояс – один путь». Эта программа направлена на развитие инфраструктуры и ускорение экономической интеграции стран, расположенных вдоль маршрута исторического Шелкового пути из Азии в Европу. В инициативе задействована 71 страна, а с 2013 по 2021 г. проектные инвестиции Китая в реализацию программы составили 890 млрд долл. Из этой суммы 40,2% были инвестированы в энергетические проекты, например в строительство электростанций и нефтепроводов, 22,8% – в развитие транспортной инфраструктуры [Романович 2022]. Россия является одним из участников этого широкомасштабного проекта, что укрепляет её транспортное сотрудничество с Китаем (в частности, большое значение имеет открытие в 2022 г. железнодорожного и автомобильного мостов, соединяющих две страны).

Продолжающийся рост цен, а также многочисленные раунды антироссийских санкций со стороны Соединенных Штатов и Европы, вызванные вхождением Крыма в состав России в 2014 г., заставили российскую экономику столкнуться со многими трудностями [高际香 (Гао Цзисян) 2015].

Эскалация экономических санкций ухудшила состояние экономики страны, затронув финансовую, нефтяную, военную и другие сферы. 24 ноября 2014 г. министр финансов РФ заявил на Международном финансово-экономическом форуме, что из-за воздействия геополитических санкций Россия теряет 40 млрд долл. в год. Из-за падения цен на нефть на 30% Россия теряет еще от 90 до 100 млрд долл. в год [Министр финансов 2014].

По сравнению с российским состояние экономики Китая в этот же период можно охарактеризовать как противоположное: экономические реформы страны за последние четыре десятилетия принесли свои результаты. Постоянное улучшение ситуации в области экономического развития, низкие цены и расширение возможностей трудоустройства привлекли многих россиян в Китай. Напротив, многие китайцы провели рациональный анализ и оценку экономической ситуации в России и не стремятся иммигрировать в Россию. В 2015 г., как было показано в предыдущем разделе, произошел исторический сдвиг в китайско-российских трансграничных миграционных потоках: количество людей, въезжающих в Китай из России, обогнало количество людей, въезжающих в Россию из Китая.

Заметную роль в миграционном обмене играет многолетнее партнерство России и Китая на государственном уровне. Китайская миграция может стать важным элементом решения долгосрочных проблем социально-экономического развития Российской Федерации, особенно в условиях предстоящего резкого уменьшения трудового потенциала страны [Попхадзе, Гермашева 2022]. Как заявил агентству ТАСС посол Китая в России Джан Ханьхуэй, сотрудничество двух стран «стремительными темпами» развивается в сельском хозяйстве, финансах, науке и технике, электронной коммерции, а в перспективе планируются крупные проекты в сферах энергетики, авиации, космонавтики, транспорта и коммуникаций [Посол Китая 2023].

Довольно заметно и присутствие в России китайского бизнеса. Ссылаясь на данные системы СПАРК, сотрудники Института Дальнего Востока РАН и Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ утверждают, что к февралю 2018 г. в стране было зарегистрировано 5867 компаний, среди владельцев которых значились физические и юридические лица из Китая. По словам экспертов, это лишь часть картины, поскольку «крупный китайский бизнес приходит в нашу страну, как правило, через юрисдикции третьих стран». Больше всего, по их оценкам, юрлиц с китайским участием зарегистрировано в Москве, Приморье, Санкт-Петербурге и Амурской области. Китайский бизнес представлен в 696 различных видах деятельности [Гвасалия 2019].

По данным опроса компании EY, китайцев в России привлекает объем внутреннего рынка и природные ресурсы. При этом стоимость трудовых ресурсов, налоговая и законодательная база их не устраивают. Среди работаю-

щих в России китайских компаний только 11% считают привлекательной стоимость трудовых ресурсов, а 26% говорят о том, что она крайне неконкурентная [Лаптева 2023].

Зато, как показало исследование информационно-аналитического агентства «Восток России», рабочая сила из Китая, например на Дальнем Востоке, стоит дешевле. Результаты анализа статистики Минтруда, который провели в агентстве, продемонстрировали, что китайцев среди привлекаемых по квотам иностранных сотрудников там больше, чем остальных (в расчет не брались выходцы из стран СНГ, которые не квотируются). В частности, в 2019 г. Минтруд выдал на граждан Китая на Дальнем Востоке больше половины (51%) всех выданных в этом регионе квот, однако абсолютные цифры относительно скромные – 27,8 тыс. человек. В целом по РФ на конец первого полугодия 2019 г. действующее разрешение на работу имели 39,8 тыс. китайцев. Срок действия подобных документов обычно ограничивается несколькими месяцами [Лаптева 2023].

3. Особенности миграционной политики России.

В первые десять лет XXI в. российское правительство последовательно внедряло новые демографические и миграционные стратегии развития страны и общества, такие как: «Концепция демографического развития Российской Федерации до 2015 года», «Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года», «Семилетний план добровольного возвращения Патриотов из-за рубежа в Российскую Федерацию», «План российских детей», «Закон об иммиграции», «Закон о беженцах» и «Закон об иммиграции в принудительном порядке» и др. [由莉颖 (Ю Лийин) 2007].

Глобальная задача, стоящая перед страной, – избежать демографического кризиса, увеличить численность населения, в частности восполнить дефицит населения в трудоспособном возрасте, который в перспективе десятилетия по прогнозам экспертов будет только увеличиваться. Изменить численность населения, как известно, возможно двумя способами: путем естественного движения населения, т.е. за счет увеличения рождаемости и превышения её показателей над показателями смертности (естественного прироста) и механического движения, т.е. миграции. Поскольку даже поощряя рождаемость, вводя различные меры по её повышению и снижению смертности, достичь быстрого эффекта сложно. Поэтому в России государственная политика направлена на поддержание обоих направлений. Таким образом, поддержание иммиграции в Россию является частью политики государства.

Хотя российское законодательство в области миграции эксперты часто называют «иммиграционным», т.е. ориентированным именно на внешнюю миграцию: оно во многом способствует тому, чтобы в Россию приезжали квалифицированные специалисты: правительство всегда настаивало на том, чтобы привлекать квалифицированных профессионалов, законопослушных

специалистов из других стран, и ограничить иммиграцию низкоквалифицированных рабочих. Тем не менее некоторые аспекты остаются скорее препятствием на пути въездной миграции, в том числе из Китая [彭文进 (Пэн Вэньцзин) 2021, 第 61–65 页].

Так, в настоящее время Россия настаивает на проведении языковой оценки, оценки базовых юридических и исторических знаний для иностранных иммигрантов, которые хотят работать на территории страны. Такие требования, очевидно, слишком высоки для иностранных трудовых иммигрантов, которые планируют работать в сфере строительства, сельском хозяйстве и других отраслях, подразумевающих возможность занятости работников без высокой квалификации. Китайским иммигрантам нелегко соответствовать подобным требованиям, что в свою очередь ограничивает круг лиц, которые готовы ехать в Россию.

4. Традиции культуры.

Психологическое принятие транснациональных иммигрантов, культурная идентичность, различия в ценностях иммигрантов и принимающего общества и т.п. определяют ограничительную специфику транснациональной миграции. Различие в культурной идентичности также сформировало некоторое препятствие для трансграничной иммиграции между Китаем и Россией. Отметим, что соблюдение традиций – важная часть жизни любого китайца. Многие обычаи и ритуалы соблюдаются жителями Поднебесной уже несколько тысяч лет.

В последние годы российская политика приема мигрантов стала более ориентированной на страны СНГ с большей культурной близостью к России, что также в определенной степени снизило энтузиазм китайцев по поводу иммиграции в Россию. Как уже было отмечено, сложностью для китайских мигрантов является также и незнание русского языка.

Заключение

За последние десять лет миграционные потоки между Китаем и Россией претерпевали изменения. В целом они увеличились, однако большее значение трансграничная миграция стала иметь для России. Важным с точки зрения статистики миграционных потоков является 2015 год, когда количество мигрантов из России превысило количество мигрантов из Китая во взаимном обмене стран. Исходя из международной ситуации и текущей ситуации политического и экономического развития, а также принимая во внимание наличие стратегического партнерства между Китаем и Россией, мы можем прогнозировать, что вышеупомянутая тенденция транснациональной миграции между странами будет иметь место в течение длительного времени.

В некоторой степени китайская миграция компенсирует нехватку трудоспособного населения в России. Статистика показывает, что принятие ино-

странных мигрантов, даже временных, является эффективным ответом на демографический кризис в России [戴桂菊 (Дай Гуйцзю) 2004]. В определенной степени китайские мигранты восполнили пробел в потере собственного населения в России, однако необходимо учитывать, что китайцы, которые иммигрируют в Россию, едут не с целью получения долгосрочного вида на жительство или российского гражданства, а демонстрируют совершенно разнообразные цели приезда, такие как туризм, учеба, вступление в брак, предпринимательство и др. В отличие от иммигрантов из стран Центральной Азии, китайские мигранты в большинстве случае не намерены оставаться в России на долгий срок и связывать свою жизнь навсегда с этой страной, интегрироваться в её общество.

При разработке политики по приему иностранных мигрантов Россия, как и другие государства, придерживается принципа приоритета потребностей своих граждан, защиты национального рынка труда, интересов экономики и национальной безопасности. Предпринимаемые меры по регулированию въездной миграции, в частности нормы законодательства, подразумевающие сегодня необходимость сдачи экзаменов по русскому языку, основам законодательства и истории России трудовыми мигрантами, скорее играют ограничительную роль для иммиграции из Китая, снижая привлекательность России как страны для временного пребывания и работы. Учитывая крепкие узы экономического и политического партнерства двух стран, наличие налаженных связей в различных сферах экономики, можно предположить, что будут найдены выходы из ситуации, возможно, приняты двусторонние соглашения, регулирующие взаимную трудовую миграцию в отдельных отраслях и т.д., т.е. на институциональном уровне будут обеспечены условия дальнейшего развития трансграничной миграции.

Китайская миграционная политика, в свою очередь, являясь неотъемлемой частью общей стратегии развития КНР, также реализует меры, способствующие приему высококачественных транснациональных иммигрантов, поддерживая базовую стабильность китайского населения и способствуя гармоничному и здоровому развитию общества страны. «Пять принципов мирного сосуществования», которых Китай придерживается в своих международных обменах, определяют его развитие и являются базисом для стабильности отношений между странами, обеспечивают соблюдение принципа взаимной безопасности, отсутствия угрозы для партнеров Китая, в том числе для своего самого крупного соседа – России. Поэтому «теория китайской иммиграционной угрозы», которая периодически используется ультранационалистами в своих целях, не имеет под собой серьезных оснований ни с точки зрения статистических данных о масштабах трансграничной миграции, ни с точки зрения политических, экономических, идеологических и других факторов, определяющих современную миграцию из Китая в Россию.

Библиография

Веремейчик А.С. Вопросы современной китайской миграции в работах ученых КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 1(28). С. 50–56.

Гвасалия К.Д. Перспективы развития китайско-российских отношений в бизнес-сфере // Экономика и предпринимательство. 2019. № 1(102). С. 274–277.

Данькова А.С., Ахметшина Ю.В. Социальные взаимодействия миграционного контента Китая и России // Совершенствование науки в наши дни: междисциплинарные аспекты: материалы XLIV Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП); ООО «Издательство ВВМ», 2022. С. 71–74.

Дун Чжожань. Миграция из Китая в Россию: проблемы и перспективы // Глобальные социальные процессы: опыт социологического исследования: сб. ст. социологической конференции молодых ученых. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. С. 40–45.

Лаптева А. Eurasianet (США): насколько велика китайская миграция в Россию // ИноСМИ: сетевое издание. 08.10.2019. URL: https://inosmi.ru/20191008/245979657.html (дата обращения: 21.07.2023).

Лузянин С.Г. Настоящее и будущее российско-китайских отношений // Вестник Российской академии наук. 2020. № 2. С. 113–119.

Министр финансов Антон Силуанов на Международном финансово-экономическом форуме «Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности» // Минфин России: офиц. сайт. 24.11.2014. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=33013 (дата обращения: 28.11.2023).

Нигматуллина Т.А. Политическая интерпретация этноксенофобии в молодежной среде: новые вызовы глобализации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 1. С. 83–94.

Понкратова Л.А. 30 лет трансграничного сотрудничества России и Китая: итоги и новые тренды // Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая: сб. ст. в 2 кн. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019. Кн. 2. С. 146–167.

Попхадзе Т.Ю., Гермашева Т.М. Современная миграция китайцев в Россию и ее социально-экономические последствия // Наука и инновации – современные концепции: сб. ст. Ростов-на-Дону: Инфинити, 2022. С. 76–81.

Посол Китая в РФ: оптимизация борьбы с ковидом придаст импульс сотрудничеству с Россией // Информационное агентство ТАСС: офиц. сайт. 11.01.2023. URL: https://tass.ru/interviews/16770825 (дата обращения: 22.02.2023).

Романович Р. Как из аграрной страны превратиться в технологического лидера // Тинькофф Журнал. 06.09.2022. URL: https://journal.tinkoff.ru/chinese-miracle/ (дата обращения: 01.12.2022).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России: [офиц. ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5413 (дата обращения: 01.12.2022).

Число выбывших // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43513 (отчет по заданным параметрам) (дата обращения: 20.07.2023).

Число прибывших // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43514 (отчет по заданным параметрам) (дата обращения: 20.07.2023).

冯春萍. 当前俄罗斯人口地理变动的新特点. 人文地理. 2005年. 第 5 期，第 60–64 页 (Фэн Чуньпин. Новые черты демографо-географических изменений в России на современном этапе // Антропогеография. 2005. № 5. С. 60–64).

彭文进. 俄罗斯人口危机对经济的影响及其应对措施 // 新疆社会科学, 2021年. 第 3 期，第 61–68 页 (Пэн Вэньцзин. Влияние демографического кризиса в России на экономику и ответные меры // Синьцзянские социальные науки. 2021. № 3. С. 61–68).

戴桂菊. 俄罗斯的人口问题和外来移民政策 // 俄罗斯中亚东欧研究. 2004 年. 第 3 期，第 15–22 页 (Дай Гуйцзю. Демографические проблемы России и иммиграционная политика // Российские исследования по Центральной Азии и Восточной Европе. 2004. № 3. С. 15–22).

焦玓璠. 远东中国移民问题及华人生存现状研究: 论文 / 厦门大学. 厦门市, 2017年. 118页（Цзяо Юфань. Исследование проблемы китайских иммигрантов на Дальнем Востоке и современной ситуации выживания китайцев: диссертация / Сямэньский университет. Сямынь, 2017. 118 с.).

由莉颖. 俄罗斯的人口危机对经济发展的影响 //人口学刊2007年, 第 2 期，第 26–31 页 (Ю Лийин. Влияние демографического кризиса в России на экономическое развитие // Журнал демографии. 2007. № 2. С. 26–31).

高际香. 制裁背景下的俄罗斯经济：困境与应对 // 欧亚经济. 2015 年，第 2 期，第 2–9 页 (Гао Цзисян. Российская экономика в контексте санкций: дилеммы и ответы // Евразия Азиатская экономика. 2015. № 2. С. 2–9).

References

Chislo pribyvshih [Number of arrivals] // Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema [Unified Interdepartmental Information and Statistical System]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43514 (report on specified parameters) (date of access: 20.07.2023). (In Russ.)

Chislo vybyvshih [Number of dropouts]. Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema [Unified Interdepartmental Information and Statistical System]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43513 (report on specified parameters) (date of access: 20.07.2023). (In Russ.)

Dankova A.S., Akhmetshina Yu.V. Social'nye vzaimodejstvija migracionnogo kontenta Kitaja i Rossii [Social Interactions of the Migration Content of China and Russia]. Sovreshenstvovanie nauki v nashi dni: mezhdisciplinarnye aspekty [Modern Science Improvement: Interdisciplinary Aspects]: proceedings of the XLIV All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Juzhnyj universitet (IUBiP); OOO «Izdatel'stvo VVM», 2022. P. 71–74. (In Russ.)

Gvasalia K.D. Perspektivy razvitija kitajsko-rossijskih otnoshenij v biznes sfere [Prospects for the development of Chinese-Russian relations in the business sphere]. Jekonomika i predprinimatel'stvo [Economy and entrepreneurship]. 2019. N 1(102). P. 274–277. (In Russ.)

Lapteva A. Eurasianet (SShA): naskol'ko velika kitajskaja migracija v Rossiju [Eurasianet (USA): how big is Chinese migration to Russia]. InoSMI: online edition 08.10.2019. URL: https://inosmi.ru/20191008/245979657.html (date of access: 21.07.2023). (In Russ.)

Luzyanin S.G. Nastojashhee i budushhee rossijsko-kitajskih otnoshenij [The present and future of Russian-Chinese relations]. Vestnik rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2020. N 2. P. 113–119. (In Russ.)

Ministr finansov Anton Siluanov na Mezhdunarodnom finansovo-jekonomicheskom forume «Jekonomicheskaja politika Rossii v uslovijah global'noj turbulentnosti» [Finance Minister Anton Siluanov at the International Financial and Economic Forum «Russian Economic Policy in the Context of Global Turbulence»]. Minfin Rossii [Ministry of Finance of Russia]: official. website. 24.11.2014. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=33013 (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Nigmatullina T.A. Politicheskaja interpretacija jetnoksenofobii v molodezhnoj srede: novye vyzovy globalizacii [Political Interpretation of Ethnoxenophobia in the Youth Environment: New Challenges of Globalization]. Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Questions of National and Federal Relations]. 2014. N 1. P. 83–94. (In Russ.)

Ponkratova L.A. 30 let transgranichnogo sotrudnichestva rossii i kitaja: itogi i novye trendy [30 years of cross-border cooperation between Russia and China: results and new trends]. Problemy torgovo-jekonomicheskogo sotrudnichestva rossijskogo Dal'nego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaja [Problems of trade and economic cooperation between the Russian Far East and northeast China]: collection of articles in 2 books. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2019. Vol. 2. P. 146–167. (In Russ.)

Popkhadze T.Yu., Germasheva T.M. Sovremennaja migracija kitajcev v Rossiju i ee social'no-jekonomicheskie posledstvija [Modern Chinese migration to Russia and its socio-economic consequences]. Nauka i innovacii – sovremennye koncepcii [Science and innovations – modern concepts]: collection of articles. Rostov-on-Don: Infiniti, 2022. P. 76–81. (In Russ.)

Posol Kitaja v RF: optimizacija bor'by s kovidom pridast impul's sotrudnichestvu s Rossiej [Chinese Ambassador to the Russian Federation: Optimization of the fight against covid will give impetus to cooperation with Russia]. Informacionnoe agentstvo TASS [TASS News Agency]: official. website. 11.01.2023. URL: https://tass.ru/interviews/16770825 (date of access: 22.02.2023). (In Russ.)

Romanovich R. Kak iz agrarnoj strany prevratit'sja v tehnologicheskogo lidera [How to turn from an agrarian country into a technological leader]. Tin'koff Zhurnal [Tinkoff Journal]. 06.09.2022. URL: https://journal.tinkoff.ru/chinese-miracle/ (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o razvitii otnoshenij vseob#emljushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstvija, vstupajushhih v novuju jepohu [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era]. Prezident Rossii [President of Russia: [offic. resource]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5413 (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Veremeychik A.S. Voprosy sovremennoj kitajskoj migracii v rabotah uchenyh KNR [Issues of modern Chinese migration in the works of Chinese scientists]. Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija [Oikumena. Regional studies]. 2014. N 1(28). P. 50–56. (In Russ.)

戴桂菊. 俄罗斯的人口问题和外来移民政策 2004 年. 第 3 期，第 15–22 页 (Dai Guijiu Demographic Problems of Russia and Immigration Policy. Russian Studies in Central Asia and Eastern Europe. 2004. N 3. P. 15–22). (In Chinese)

冯春萍. 当前俄罗斯人口地理变动的新特点. 人文地理. 2005年. 第 5 期，第 60–64 页 (Feng Chunping. New features of demographic and geographical changes in Russia at the present stage. Anthropogeography. 2005. N 5. P. 60–64). (In Chinese)

高际香. 制裁背景下的俄罗斯经济：困境与应对. 欧亚经济. 2015 年，第 2 期，第 2–9 页 (Gao Jixiang. The Russian Economy in the Context of Sanctions: Dilemmas and Answers. Eurasia Asian Economics. 2015. N 2. P. 2–9). (In Chinese)

焦玓璠. 远东中国移民问题及华人生存现状研究： 厦门市，2017年. 118页（Jiao Yufan. Study of the problem of Chinese immigrants in the Far East and the current situation of the survival of the Chinese: dissertation. Xiamen University. Xiamen, 2017. 118 p.). (In Chinese)

彭文进. 俄罗斯人口危机对经济的影响及其应对措施. 新疆社会科学，2021年. 第 3 期，第 61–68 页 (Peng Wenjing. The impact of the demographic crisis in Russia on the economy and response measures. Xinjiang Social Sciences. 2021. N 3. P. 61–68). (In Chinese)

由莉颖. 俄罗斯的人口危机对经济发展的影响. 人口学刊2007年， 第 2 期，第 26–31 页 (Yu Liyin. The impact of the demographic crisis in Russia on economic development. Journal of Demography. 2007. N 2. P. 26–31). (In Chinese)